

Светлана НЕМОЛЯЕВА: Моск. правда - 1997. - 3 июня. - с. 8.

Важно уметь реагировать

МАСТЕРА

Несколько лет назад мне довелось сделать два интервью с представителями театральной семьи Лазаревых - Александром Лазаревым (старшим) и Александром Лазаревым (младшим). Оба - блестящие актеры - очень тепло и трепетно отзывались о Светлане Немоляевой. Лазарев-старший говорил о том, что в их семье всегда существовало бережное отношение к Женщине, которое отец старался привить и сыну. Лазарев-младший, рассказывая

о матери, заметил, что много раз слышал о том, что Светлана Немоляева - великолепная артистка, «все видит и слышит на съемочной площадке, тонко чувствует партнера, откликается на каждое его внутреннее движение» и что работа в фильме, где довелось сниматься вместе, убедила его в этом окончательно.

И вот я - в гримерке Театра им. Маяковского в гостях у актрисы Светланы Немоляевой.

- Светлана, вам довелось работать со многими великими артистами и режиссерами. Встреча с каждым из них - это наверняка творческий этап, урок и чудесные воспоминания... Кто из встретившихся вам людей оказал наибольшее влияние на ваше становление?

- Вот замечательный вопрос. А то меня истерзали, спрашивая, «как вам с мужем легко работать или нелегко», «как у вас дома - помогают вам или нет», «что вы любите готовить и есть», «кто у вас главный в семье»? Скучно до безумия... Я считаю, что личная сторона жизни актера должна быть завуалирована.

Давайте говорить о Творчестве! Вы совершенно правильно подметили, что в актерской жизни этапность очень важна. Независимо от того, на виду ли актер, или не на виду, наделил его Бог талантом больше или меньше - все равно жизнь такова, что вех подлинных, из-за которых актер и любит, и знают, и благодарны ему - очень немного. И это - естественно. Невозможно все время создавать шедевры. Художнику вообще свойственно ошибаться. Немножко уходить в тень, чтобы накопить что-то и с этим накопленным снова выйти.

Актеры очень от многого зависят, они не самодостаточны. Прежде всего они зависят от материала. Есть пьесы, которые я называю самоигральными. Испортить их невозможно. Как бы ни сыграл, но какое-то значение спектакль будет иметь. А есть такие пьесы, в которые столько души вкладывают режиссер и актеры, что даже из не очень интересной пьесы может получиться маленький шедевр. То есть актерская профессия вторична. Сначала - драматургия, это номер один. Потом - режиссер, номер два. И только потом актеры.

Мне посчастливилось. Я смолоду играла замечательную драматургию. Хотя поначалу это были всевозможные Машки, Нинки, Ольги, но все равно - это была замечательная драматургия.

Я начала свой актерский путь в Театре им. Маяковского с «Гамлета» - это вообще вершина. И если потом это были советские пьесы, то все равно я никогда не была обделена. Особенно много интересного я сыграла у Гончарова. Он все эти годы руководит нашим театром. И я была всегда им обласкана и счастлива этой совместной работой. Это и «Трамвай «Желание», и «Человек из Ламанчи», и булгаковский «Бег», и «Беседы с Сократом». И пьесы Радзинского. Если говорить о вехах творческих, то я просто благодарю свою судьбу за подарок в лице Гончарова.

Второе - все самые интересные режиссеры, которые у нас ставили, всегда со мной работали. Я не была обделена их вниманием. Может быть, я мечтала, чтобы они больше со мной работали, но это уже «моя кухня», мои мечты.

- А работа с какими режиссерами «со стороны» вам запомнилась больше всего и чем?

- Один раз у нас ставил Марк Захаров. Всего один раз. Это был «Разгром». И я была занята в этой пьесе. Вместе с Арменом Джигарханяном.

Два раза ставил блистательный Петр Фоменко - «Смерть Тарелки»

на» и «Плоды просвещения». Несколько спектаклей ставил Яшин. Очень талантливый режиссер. Я до сих пор с удовольствием вспоминаю эти дни. Несколько спектаклей поставила замечательный режиссер Татьяна Ахрамкова.

Я считаю, что эти вехи в моей судьбе дали мне состояться. Что будет дальше, я, естественно, не знаю. Но я оптимистичный человек, я надеюсь, что и в будущем что-то выпадет на мою долю.

Светлана, наверняка каждый из этих людей внес в ваше актерское существование какое-то новое качество. Какое именно?

- Естественно... У каждого из этих режиссеров свое видение и свое ощущение профессии. Я вообще перед этой профессией преклоняюсь. Она непостижима и таинственна. Человек, который может так видеть - все и сразу, создавать спектакль, так разбирать сцены - это все наши актерские слова - для меня это фантастично. Уникальная профессия, ступенчатая. Каждый из режиссеров нес свой смысл, свое мировоззрение. То, ради чего он считает нужным творить.

Гончаров, как мне кажется, воспринимает театр из глубины. Он занимается тем, самым трудным, что есть на театре. Он занимается жизнью человеческого духа. Жизнь человеческого духа, которая происходит на сцене, у вас перед глазами - он извлекает ее из самых глубин. Из корня - корень. Это такое сложное, чему был призван изначально служить театр. Этим обладают очень немногие. Я думаю, что в Питере таким был Товстоногов. В Москве - Гончаров.

Охлопков был другой режиссер. Также необыкновенно талантливый. Он очень любил постановочный процесс, чисто режиссерские находки, которые очень помогали актеру на сцене. В отличие от Гончарова, который всегда ищет пути актерские, с актерами доходит до сути, до материка, до естества, раскрывая их.

- Вы всегда безусловно доверяете режиссеру?

- Вы знаете, я не очень задумывалась раньше над этим, как все это происходит, но... Вот что интересно - мой спектакль начинал принадлежать мне, становился после работы с Гончаровым именно моим только на десятый, двадцатый, пятидесятый выход. В зависимости от

сложности роли. То есть режиссура Гончарова всегда была как якорь... В том смысле, что она держала меня на приколе, до тех пор пока, вдруг, что-то таинственное, какое-то переосмысление не происходило, и тогда якорь отпускал меня. Корабль уходил в плавание. Спектакль становился моим. А до этого я была верна его режиссуре, его мысли, его видению. Гончарову я всегда бесконечно верила. Не было роли, когда бы я говорила, что он мне предлагает что-то не то. Я могла не сразу сделать то, что Гончаров предлагал. Или мне казалось, что я делаю то, что он хочет, а он этого не видит. Вот в этом были противоречие, конфликт, страдания дикие... «Что же не так?! Я же сделала то, что он хотел! Я же понимаю, что он хочет. Почему его все это не устраивает?» Внутренние конфликтные ситуации у меня всегда бывали мощные - из спектакля в спектакль...

- А если говорить о Татьяне Ахрамковой?

- Она творит вместе с тобой, с большим чувством юмора, доброжелательно. Она очень незаметным путем тебя выводит, выводит, выводит, и ты вдруг находишь ключик. Понимаете? Это что-то тонкое и необъяснимое. Может, потому что она - женщина? В ней - четкое понимание того, что именно она хочет от актера. И незаметное ведение.

- Наверное, этим же качеством «незаметности ведения» обладал в кино Эльдар Рязанов?

- Верно. Он тоже как-то неуловимо, тонко, изящно вел актера. Ускользающе легко. Он вел, вел, вел к сути, и ты вдруг делала то, что тебе самой было близко и понятно. И ему надо. Удивительное качество.

- А Сергей Яшин?

- Мне кажется, что он один из тех учеников Гончарова, который научился этой гончаровской глубине исследования. Поэтому ему удалось разгадать загадку психологии персонажей и его спектакли живут так долго.

- Ну а Марк Захаров?

- О, он совсем другой! У него большое значение имеет форма. Он видит спектакль, как художник мольберт. Видит сразу, во всей его многогранности. Целиком. Видит его вместе со светом, пространственными, цветовыми решениями. У него совершенно другой подход. И очень смешные отношения с актерами. Правда, уже много лет прошло с тех

пор, как мы делали «Разгром», а человек с возрастом меняется. Но в этом он, по-моему, не изменился. Мы, актеры, могли даже между собой поссориться, а Марк Анатолевич как-то очень смешно и тактично все это снимал, говоря: «Ну сыграйте эту сцену талантливо». У него были очень забавно сформулированные задачи. Всегда очень глубокие.

- А Петр Наумович Фоменко?

- У Фоменко весь процесс тоже какой-то незаметный. Даже в начале не понятно, что же он хочет. Не сразу все ощущаешь. Это тот случай, когда очень важно идти за режиссером в полном доверии. Тогда ты будешь победителем. Тут нельзя ставить что-то под сомнение, мешать ему... Ведь режиссер вообще видит, как, помните, Булгаков пишет в «Театральном романе» - видит процесс сверху, как в спичечном коробке. «Вот я вижу, как они вошли, вот зажгли елку, вот...» Ну и так далее. Режиссер видит со стороны. Актер существует внутри.

И еще одна удача в моей жизни - работа с безумно талантливыми партнерами. Это счастье. Когда ты сталкиваешься с человеком, который, мягко говоря, не очень понимает, что ему надо делать, то с таким очень трудно работать. И половина твоей энергии уходит на то, чтобы его сдвинуть с мертвой точки. А когда на равных или партнер сильнее тебя, и мощнее, и лучше, то это божественное пребывание.

У меня был замечательный партнер, которого я обожаю и не перестаю о нем говорить в каждом интервью - это Армен Джигарханян. (Он ушел к Марку Захарову в «Ленком»).

Я с ним сыграла много - и в «Трамвае «Желание», и занята была в «Беседах с Сократом», и в «Кошке на раскаленной крыше», и в «Беге»... Вот это - Личность, мощнейший талант. Я всегда чувствовала его заинтересованность партнером. Он никогда не занят собой, своим внутренним миром, своим монологом. А это не каждый может - раствориться в партнере. Он интересно работает, существует, реагирует. В нашей профессии самое главное - это реакция на то, что происходит. Не текст, который произносится. Высший пилотаж, самое сложное - это твоя реакция на сцене. Он достигается огромным опытом. Армен Борисович этим владеет блестяще.

Вам не могу перечислить всех тех, кто меня окружал! И Ханов, и Орлова, и Карпова. И великая Бабанова, и Тер-Осипян... Это то поколение, на которое мы смотрели, как на богов. И наше поколение - и Толя Ромашин, и Женя Лазарев, и Татьяна Дороница... Самойлов, Костюлевский, Фатюшин, Женя Симонова, Наташа Гундарева, Гаяля Анисимова... Понимаете? Целый синклит. Даже боишься кого-то не назвать. Каждый - интереснейшая индивидуальность. От каждого обогащаешься, что-то получаешь. Как мне Глизер говорила (гениальная артистка была у нас в театре): «Ты воружешь?» - «Что ворую?» - «Ну у других артистов? Обязательно воруй! Ты все равно другая. А у кого-то что-то стащишь - и будет твое!»

Беседовала
Елена КУРБАНОВА.
Фото ИТАР-ТАСС.